

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
1985–1991

ПАВЕЛ КРАШЕНИННИКОВ

Москва

*Редакция и автор выражают благодарность
Степашину С. В., Артизову А. Н., Гонгало Б. М.,
Тараборину Р. С., Урманову А. Р.,
Федеральному архивному агентству
и Российскому государственному архиву
новейшей истории
за неоценимую помощь в подготовке издания*

Оглавление

Введение	7
Пролог. РАЗОЧАРОВАНИЯ И «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ»	9
Глава 1. УСКОРЕНИЕ	23
§ 1. Гонка на лафетах: кто на новенького? ..	24
§ 2. Первоначальные намерения Горбачева. Старое содержание в новой форме	31
§ 3. «Хлопковое дело»	36
§ 4. Пьянству — бой!	43
§ 5. Седьмое чувство — чувство хозяина	54
Глава 2. ТРЕВОЖНЫЕ ПРИЗНАКИ	67
§ 1. «Черные лебеди» и их разновидности ..	68
§ 2. Стихийные «черные лебеди»	73
<i>Чернобыль</i>	73
<i>«Адмирал Нахимов»</i>	74
<i>Ашинская трагедия</i>	76
<i>Спитак</i>	77
§ 3. «Лебеди» Перестройки	79
<i>Декабрьское восстание в Алма-Ате</i>	80
<i>Нагорный Карабах</i>	81
<i>Ферганские погромы</i>	83
<i>Столкновения в Тбилиси</i>	85
<i>Эстонский хозрасчет</i>	89
§ 4. Немец на Красной площади	92

**Глава 3. ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ. В ТИСКАХ
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЫБОРА» 97**

- § 1. Раскол в КПСС 98
- § 2. Кадровая революция 102
- § 3. Разоблачение культа — 2 107
- § 4. Политическое структурирование
общества 110
- § 5. Власть — Советам! 114
- § 6. «Новое мышление» Горбачева.
Разрушение Мировой системы
социализма 123

**Глава 4. ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ.
ВОЛЯ К СОБСТВЕННОСТИ 137**

- § 1. Круче чем НЭП 138
- § 2. Кооперативы и кооператоры 143
- § 3. Творчество молодежи 150
- § 4. Государственные предприятия 153
- § 5. Перестройка банковской системы 159
- § 6. Трудовые договоры и трудовые
коллективы 161
- § 7. Аренда 164

Глава 5. ПОТЯСЕНИЕ ОСНОВ 171

- § 1. Ельцин против Горбачева 172
- § 2. Небывалая избирательная
кампания 180
- § 3. Первый Съезд народных депутатов
СССР (май 1989 г.) 194
- § 4. Эрозия системы 200

Глава 6. ШЕСТНАДЦАТИВЛАСТИЕ И ВОЙНА ЗАКОНОВ	205
§ 1. Республиканские выборы	206
§ 2. Выборы в РСФСР	210
§ 3. Битва демократов с номенклатурой	214
§ 4. Брожения в обществе	223
§ 5. Президент вместо ЦК КПСС	228
§ 6. Референдум о сохранении СССР 17 марта 1991 г.	242
Глава 7. МЕЖДУ СОЦИАЛИЗМОМ И КАПИТАЛИЗМОМ	249
§ 1. Ползучая реставрация частной собственности	250
§ 2. Старт раздела госсобственности	256
§ 3. Программа перехода к рынку как яблоко раздора	262
§ 4. Дискуссия о переходе к рынку на языке права	273
§ 5. План-28. Борис Непотопляемый	282
Глава 8. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАСПАД СССР	293
§ 1. Разорванный договор	294
§ 2. Три дня, которые потрясли Союз (ГКЧП)	302
§ 3. Беловежские соглашения	321
Глава 9. ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС	337
§ 1. Общие замечания	338
§ 2. Кодификации земельного законодательства	341

§ 3. Союзная Конституция. Законы о собственности и о земле	347
§ 4. Закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»	351
§ 5. Закон «О земельной реформе»	356

Глава 10. КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС 361

§ 1. Жилищное законодательство начала Перестройки	362
§ 2. Попытки изменить подходы к решению жилищного вопроса	365
§ 3. Наделение правом собственности членов жилищно-строительных кооперативов	371

Глава 11. ПРАВОВЕДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ 375

§ 1. Общие замечания	376
§ 2. Анатолий Иванович Лукьянов	380
§ 3. Анатолий Александрович Собчак	392
§ 4. Владимир Николаевич Кудрявцев	410
§ 5. Олег Емельянович Кутафин	420

**Эпилог. МОЖНО ЛИ БЫЛО СОХРАНИТЬ
СССР? 433**

О государь, управляй людьми так,
чтобы они не хотели перемен.

Юрий (Гурий) Крижанич

Введение

Чем выше мы поднимаемся по временной лестнице истории в наших очерках, тем больше кружится голова. И дело вовсе не в длине пройденного пути и не в усталости, скорее влияет более свежий ветер, близкая нам атмосфера. С другой стороны, нахлынули собственные воспоминания. При этом очень много разных взглядов, в том числе критических. Огромное количество и специалистов, и очевидцев, и даже участников тех событий. Мы в своих исследованиях подошли к середине 1980-х гг. — тому времени, когда большинство наших современников жили: родились, получали образование, работали, создавали семьи и т. д., впитывали в себя ту атмосферу — политическую, социальную, культурную, экономическую, бытовую.

Рассматриваемый период — 1985–1991 гг. — массовым сознанием оценивается крайне противоречиво. Одни называют его освободительной Перестройкой, другие — Катастройкой. Для одних это было время открытий и надежд, для других — время крушения основ и резкого снижения их социального статуса.

Прошло более 30 лет, но мы многое помним из того времени и у нас есть собственные впечатления. Тем не менее далеко не все смогли разобраться, прежде

всего в себе, объективно проанализировать все случившееся. В тот бурный период каждый день с нами и вокруг нас (в семье, в учебе, на работе) происходило что-то необычное, крутые виражи в политике партии, экономике, праве, в осознании действительности следовали один за другим.

Советский Союз — страна, выигравшая войну, — распался; люди, перенесшие невероятные испытания, оказались отгороженными друг от друга государственными (!) границами. Как же это могло произойти? Будем вместе разбираться.

Есть немалое количество работ, посвященных этому времени, здесь мы рассмотрим государственно-правовые вопросы той эпохи с опорой на принимаемые правовые документы. Право — это не только социальный регулятор, но и своеобразная летопись происходивших изменений в обществе и государстве. Зная, каковы законы в государстве, как они применяются, легче сказать, что оно собой представляет.

Пролог. Разочарования и «черные лебеди»

На последнем отрезке времени своего существования система управления в СССР все ярче проявляла свои врожденные пороки. В основе этой системы лежали марксистские догмы в ленинской и сталинской интерпретациях, безумная отвага большевиков, намеревавшихся осуществить мировую социалистическую революцию, и патернализм значительной части населения страны, веками приученного жить милостями царя и своего барина, а не своим умом.

Этот симбиоз наряду с привходящими историческими обстоятельствами (общенациональный системный кризис, Великая русская революция и Гражданская война), принудившими РСДРП(б) начать строительство государства, привел к построению особой конструкции системы управления страной. Суверенным центром принятия безусловных директив был узкий круг партийных вождей. Формально же власть принадлежала Советам. Однако в реальности Советы служили всего лишь инструментом исполнения партийных директив и ширмой для партийной диктатуры.

Такая двухэтажная конструкция системы управления была обусловлена необходимостью обеспечить легитимность Советской власти¹. Естественным

¹ См.: Крашенинников П. В. Государство против революции. 1923–1938. М.: Эксмо, 2024. С. 48.

следствием такой конструкции стала дуалистическая природа советского права, состоявшая из Права катастроф, обеспечивавшего директивное регулирование, и привычного писаного (позитивного) права.

В условиях Гражданской войны, ускоренной индустриализации, поголовной коллективизации и Великой Отечественной войны Право катастроф, понятное дело, доминировало, законотворческая деятельность замерла, а многие существовавшие законодательные акты, принятые по большей части в период НЭПа, в основном игнорировались.

Советская экономика имела мобилизационный, сверхцентрализованный плановый характер, была основана на внеэкономическом принуждении к труду, исключала наличие частной собственности и конкуренции. Такая система показала свою эффективность в годы Гражданской войны, первых пятилеток, способствовала победе в Великой Отечественной войне. С конца 1950-х и до конца 1980-х гг. советская экономика считалась второй в мире после экономики США. Однако в условиях мирного времени, когда был достигнут ракетно-ядерный паритет, соревнование социализма и капитализма переместилось в сферу овладения плодами научно-технической революции и построения общества всеобщего благоденствия (в советской интерпретации — коммунизма). Стало очевидно, что социалистическая экономика (а вместе с ней и уровень жизни советских граждан) начала существенно отставать от капиталистической.

Вторая бюрократическая революция², случившаяся после смерти Сталина, заключавшаяся в обеспе-

² См.: Крашенинников П. В. Золотой сон бюрократии. Государство и право эпохи застоя. 1964–1985. М.: Эксмо, 2026. С. 15–16.

чении неприкосновенности и несменяемости номенклатурных кадров, привела к окончательному заострению двухэтажной системы управления. Брежневское Политбюро, присвоившее себе статус суверена, в основном состояло из сталинских выдвиженцев, приученных беспрекословно выполнять директивы, а не мыслить. Марксистско-ленинско-сталинские нарративы воспринимались ими не как учение, а в виде традиций, которым следует неукоснительно следовать.

Между тем, как сказал выдающийся композитор Густав Малер, традиции — это передача огня, а не поклонение пеплу. Вот только огонь революции окончательно погас после отставки Хрущева. Остался только пепел бессмысленных бюрократических процедур. Хрущевский коммунизм был разжалован в брежневский «развитой социализм», а гражданам была предъявлена новая социальная политика, призванная полностью обеспечить духовные и материальные потребности граждан исключительно за счет государства, а не плодов их труда³. Грандиозные социальные программы вроде обеспечения всех нуждающихся жильем пожирали значительную часть бюджета, но заметных улучшений уровня жизни советских граждан не приносили.

Поскольку марксизм в конечном счете все сводит к экономике, руководство СССР пыталось осуществить экономические реформы, напоминающие НЭП. Реформы Маленкова и Хрущева, а также косыгинская реформа поначалу давали положительный эффект, но впоследствии неминуемо сворачивались,

³ См.: Крашенинников П. В. Золотой сон бюрократии. Государство и право эпохи застоя. 1964–1985. М.: Эксмо, 2026. С. 254–265.

поскольку вводимые ими элементы рыночных отношений были несовместимы с двухэтажной системой управления и плановой природой советской экономики, а в случае их последовательного внедрения были чреваты утратой власти партийной номенклатурой.

Главным отличием указанных реформ от ленинского НЭПа было не только полнейшее отсутствие частной собственности и запрет рыночных отношений. Если НЭП изначально трактовался как временное отступление, как регрессивный проект, то реформы Маленкова и Косыгина объявлялись прогрессивными начинаниями, призванными обеспечить население товарами народного потребления и сельскохозяйственными продуктами в первом случае и плодами научно-технической революции — во втором.

После того как косыгинская реформа, обеспечившая выполнение наиболее успешной за всю историю СССР пятилетки, была свернута, а поток нефтедолларов, вызванный ближневосточным кризисом 1973–1974 гг., иссяк, дела пошли совсем плохо. Темпы роста производства промышленной и сельскохозяйственной продукции снижались, дефицит охватывал все большее количество продуктов питания и ширпотреб. Советские граждане все сильнее испытывали когнитивный диссонанс.

С одной стороны, многие продолжали верить, что СССР — самая передовая страна в мире, и обоснованно гордились достижениями советской науки и техники, особенно в сфере освоения космоса и ядерной энергии.

С другой стороны, блага широко распиаренной новой социальной политики покрывали далеко не все потребности советских граждан, а образцы импортного ширпотреба, изредка попадавшие в руки отдельным счастливым и являвшиеся жесточайшим дефицитом, ярко свидетельствовали о преимуществе капиталистического общества потребления над развитым социализмом.

Этот раздрай между тезисами Морального кодекса строителя коммунизма и ценностями общества потребления глубоко укоренился в головах советских граждан. От палки сервелата или американских джинсов в то время не отказались бы даже самые упертые романтики революции и жрецы официальной идеологии. Причем последние имели официальный доступ к дефициту через систему спецраспределителей.

В результате значительное количество граждан решило улучшать свое благосостояние на капиталистический манер по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Дефицит стимулировал значительную часть оборотистых граждан, вдохнувших воздух экономической свободы во времена косыгинских реформ, к созданию теневых производственных структур для удовлетворения спроса населения. Возникла организованная теневая экономика, в которой в 1989 г. было занято 12% трудовых ресурсов страны⁴.

Многие искали способы дополнительных заработков, позволявшие увеличивать возможности свои

⁴ См.: *Корягина Т.* Теневая экономика в СССР // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 12–21.

и своей семьи, в том числе приобретать дефицитные товары по рыночным ценам, и часто вовлекались в теневую экономику, занимались разного рода спекуляциями, маклерством, репетиторством и т. д.

Хищение общенародной собственности, использование рабочего времени и государственного оборудования в личных целях, а также участие в рынке административных услуг, позволявшие получать дефицитные товары и сервис «по блату», преследовались по закону, но были весьма распространенным явлением.

Теневой рынок существовал пусть и по сильно искаженным, но все-таки рыночным законам и полностью находился вне сферы деятельности управляющих систем государства. Зато был предметом неустанной заботы правоохранительных органов.

Однако советская бюрократия так и не нашла действенных способов преодоления все увеличивавшегося отставания от передовых стран. Кампания по внедрению результатов научных и инженерных разработок в народное хозяйство привела лишь к возрастанию бюрократического документооборота — так называемых актов внедрения, за которыми не существовало никакой реальности. Неадекватность плановой социалистической системы управления острейшим вызовам времени, особенно в условиях холодной войны и гонки вооружений, становилась все более очевидной.

Последовательное изменение соотношения сельского и городского населения страны меняло ценностные ориентации большинства советских граждан. Неизбежная урбанизация страны, происшедшая

в середине 1960-х гг., привела к постепенному исчезновению патриархального уклада крестьянских домовладений. Советская семья стала малой, или нуклеарной, состоящей из детей и родителей, а потому детоцентристской. Целью жизни родителей стало обеспечение детей полноценным физическим развитием и хорошим образованием в качестве стартовых условий их дальнейшей жизненной карьеры. Личностные ценностные установки все больше превалировали над коллективными.

Увеличение городского населения происходило за счет переезда крестьян в города. Крестьяне или их дети, естественно, не могли враз отбросить сельскую культуру и стать носителями городской. Возник феномен маргинальной полугородской культуры, базовой ценностью которой было престижно-статусное потребление. С другой стороны, они сохраняли столетиями прививавшиеся крестьянству патерналистские настроения, чинопочитание и мифологическое сознание.

Что касается носителей собственно городской культуры, к которым относилась большая часть интеллигенции, служащих и потомственных рабочих, то для них непреходящими ценностями были все основные так называемые буржуазные свободы, прежде всего свобода выбора — своей судьбы, образа жизни, потребительских привычек, наконец. И это не удивительно, если вспомнить, что буржуазия есть порождение городов.

Была еще одна активная часть городского населения — бывшие заключенные исправительно-трудовых лагерей. Они были весьма сплоченными и жестко отстаивали свои интересы. Эта часть кон-